

1525 г.) привел речи Максима, враждебные Василию III: «просился, государь, Максим у тебя наперед сего прочь, и ты его не отпустил . . . И Максим говорил: яз чаюл, что благочестивый государь, а он таков, как прежних государей, которые гонители на христианство». Впрочем, Максим решительно отрицал факт произнесения подобных речей. Если что-нибудь подобное было сказано, то вряд ли слова Максима имели только «личный характер»¹⁶². Казни еретиков в 1504 г., организованные сторонниками Василия III, насильственное пострижение в монахи Патрикеевых и казнь С. Ряполовского давали афонскому монаху основание для реплики о царемучителе.

Недавно обнаружен так называемый Сибирский сборник конца XVI в., который содержит более полный текст Судного дела о Максиме Греке уже известной нам поздней редакции и послание митрополита Даниила в Волоколамский монастырь от 24 мая 1525 г.¹⁶³ В этом последнем перечисляются «вины», за которые был осужден на церковном соборе Максим Грек. Они сводятся к ложному учению о сидении Христа одесную отца, к выступлению против поставления русских митрополитов и к тому, что он «иная многая развращенная и пагубная глаголяше»¹⁶⁴. Это вполне соответствует тем обвинениям, которые, как можно утверждать на основе анализа материалов Судного дела, выдвигались действительно на соборе 1525 г.¹⁶⁵

Н. А. Казакова пишет, что «основной причиной осуждения Максима Грека являлось обличение им вотчинных прав и недостойного поведения духовенства»¹⁶⁶. Как можно судить по полному умолчанию об этом обвинении в грамоте от 24 мая 1525 г., с которой согласуется и анализ творчества Максима Грека и разбор Судебного дела, на соборах (светском и церковном) 1525 г. о нестяжательских взглядах Максима Грека речи не было. В начальный период своего творчества этот публицист еще не выступал с обличением стяжательской деятельности русских монастырей («Беседа ума с душой», посвященная этому сюжету, написана уже после 1531 г.). Н. А. Казакова считает, что «обвинение в критике стяжательской деятельности предьявлялось уже на соборе 1525 г.» и лишь возобновлено было в 1531 г.¹⁶⁷ Однако в речи митрополита Даниила оно сформулировано в настоящем времени («укоряещи и хулиши»), т. е. соотносено с собором 1531 г., когда судился за нестяжательство не только Максим Грек, но и Вассиан Патрикеев. Последний, кстати, не подвергался осуждению в 1525 г., несмотря на то, что развивал еще несколько лет до этого открыто нестяжательские идеи.

¹⁶² Н. А. Казакова. Очерки, стр. 222.

¹⁶³ См.: Н. Н. Покровский. Сибирская находка. — ВИ, 1969, № 11, стр. 129—138. Материалы эти пока не изданы и используются нами по кн.: Н. А. Казакова. Очерки.

¹⁶⁴ Н. А. Казакова. Очерки, стр. 238.

¹⁶⁵ До нас дошло два извода поздней редакции Судного дела о Максиме Греке, в которой слиты воедино материалы соборов 1525 и 1531 гг. Первый извод был издан давно и служил предметом специальных исследований. См.: С. Н. Чернов. К ученым несогласиям о суде над Максимом Греком. — «Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову». СПб., 1922, стр. 48—71; Н. А. Казакова. О «судном списке» Максима Грека. — АЕ за 1966 г. М., 1968, стр. 25—36; *её же*. Вопрос о причинах осуждения Максима Грека. — ВВ, XXVIII, стр. 109—126; XXIX, стр. 108—134. Второй извод Судного дела (более полный и исправный) обнаружен недавно в Сибирском сборнике.

¹⁶⁶ Н. А. Казакова. Очерки, стр. 242. Н. А. Казакова считает, что это обвинение могло скрываться за словами «иная многая» грамоты от 24 мая (там же, стр. 238). Но на соборе 1531 г. о подобных обвинениях говорили прямо, а не в неопределенных формулировках. За словами «иная многая» могли скрываться или недоказанные обвинения, или «преступления», подлежащие светскому суду.

¹⁶⁷ Н. А. Казакова. Вопрос о причинах осуждения Максима Грека. — ВВ, XXIX, стр. 131.